

Кажарова Инна Анатольевна

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕАЛА СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В АДЫГСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ А. Г. ДЫМОВА)

В статье рассматривается идеал совершенного человека в контексте становления адыгской письменности. На материале трудов А. Г. Дымова показано, что идеал совершенного человека правомерно трактовать не только как очевидный лейтмотив этнопедагогики, но и как проекцию идей исламского реформаторства, влияние которого до настоящего времени в исследованиях адыгской культуры обозначенного периода остается неотрефлексированным. Сверх привычных для конфессионального образования "параметров" совершенства, реформаторство внедряет в дидактические тексты пропаганду интеллектуальности, а в богословских текстах меняет манеру трактовки совершенной личности с мистической на реалистическую.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 23-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Мстислав Добужинский. Живопись. Графика. Театр / сост. А. Гусарова. М.: Изобразительное искусство, 1982. 204 с.
10. Островский Г. С. Рассказ о русской живописи. М.: Изобразительное искусство, 1987. 357 с.
11. Сидорова А. Г. Интермедиаальная поэтика современной отечественной прозы: литература, живопись, музыка: дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2006. 218 с.
12. Тишунина Н. В. Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века // К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы международной научной конференции (18 мая 2001 г.). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 149-154.
13. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
14. Фариньо Е. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
15. Hansen-Löve A. A. Intermedialität und Intertextualität: Problemler Korrelation von Wort- und Bildkunst – am Beispiel der Russischen Moderne // Dialog der Texte. Hamburger Kolloquium zur Intertextualität: Wiener Slavistischer Almanach. Wein, 1983. Sonderbd. 11. S. 291-360.

VERBAL LANDSCAPE POETICS IN AUTOBIOGRAPHICAL LITERATURE OF THE RUSSIAN PAINTERS OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Gal'kova Alena Vadimovna

National Research Tomsk State University

Kalosahtos@gmail.com

The article examines the specificity of verbal landscape in the autobiographical prose by M. V. Dobuzhinsky "Memoirs" and K. A. Korovin "My Life". The author shows that modernist painters' verbal painting represents both the peculiarities of their individual pictorial style and the common features of modernist esthetics. Verbal landscape in painters' autobiographies is the means to find new possibilities for the creative adoption of life and the form of esthetic reflection on their art.

Key words and phrases: landscape; autobiographical literature; inter-mediality; modernist style; M. V. Dobuzhinsky; K.A. Korovin.

УДК 821.35.0

В статье рассматривается идеал совершенного человека в контексте становления адыгской письменности. На материале трудов А. Г. Дымова показано, что идеал совершенного человека правомерно трактовать не только как очевидный лейтмотив этнопедагогике, но и как проекцию идей исламского реформаторства, влияние которого до настоящего времени в исследованиях адыгской культуры обозначенного периода остается неотраженным. Сверх привычных для профессионального образования «параметров» совершенства, реформаторство внедряет в дидактические тексты пропаганду интеллектуальности, а в богословских текстах меняет манеру трактовки совершенной личности с мистической на реалистическую.

Ключевые слова и фразы: письменность; дидактические тексты; исламское реформаторство; идея; идеал.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

Российской академии наук, г. Нальчик

barsello@rambler.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕАЛА СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В АДЫГСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НАЧАЛА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ А. Г. ДЫМОВА)

Имя Адама Дымова (1878-1937) ассоциировано с поколением адыгских деятелей, стоявших в начале прошлого столетия у истоков возникновения национальной письменности, печатного дела и журналистики, становления общедоступного школьного образования. Из богатого творческого наследия А. Г. Дымова, включавшего, как пишет Ф. Ошнокова, переводы исторических сочинений, сказаний, преданий разных народов [4, с. 9], до настоящего времени дошли лишь отдельные тексты – дидактические материалы для организованного им новометодного медресе, переводы религиозных текстов и некоторые публицистические статьи. Рассматривая труды А. Дымова с точки зрения реализуемых в них идеалов, важно учитывать влияние духовных факторов, сформировавших его взгляды. Среди таковых, безусловно, окажутся идеи модернизации ислама, одной из основополагающих моментов которой выступала реформа исламского образования, что, в свою очередь, предполагало изучение наряду с арабским языком и конфессиональными дисциплинами родного языка и светских дисциплин. В России конца XIX – начала XX в. сторонников данной реформы именовали джаидами, по названию нового аналитико-звукового метода обучения письменности – «кусул-и-джаид». Примечательно, что данный метод, впервые внедренный Исмаилом Гаспринским и вскоре успешно распространенный в религиозных школах Крыма, Поволжья, Туркменистана, Узбекистана, Казахстана, Киргизстана, Азербайджана, Турции, Северного Кавказа, был изучен и освоен им в период его пребывания в Европе.

В отношении прогрессистов Северного Кавказа, в частности адыгских деятелей, важно брать во внимание то обстоятельство, что реформаторское движение, имевшее основной целью подъем культурного уровня

российских мусульман, обрело особую ценность и глубину звучания в той историко-политической обстановке, в которой оказались адыги, – в контексте напряженного поиска возможностей духовного возрождения этноса, понесшего вследствие Кавказской войны громадные потери. Конечно, стремлением к повышению уровня этнического самосознания было проникнуто и творчество адыгских авторов, сформировавшихся под влиянием европейских образовательных традиций; в художественном преломлении современного им исторического контекста прорывается в том числе и тоска о совершенном человеке. К слову, об этом позволяют говорить немногочисленные (по причине их исчезновения во время преследования писателя) поэтические произведения Тау-Султана Шеретлокова [6, с. 50-51], но они главным образом «ориентированы на развитую, утонченную читательскую рецепцию» [5, с. 41], иными словами, на круг избранных. Исламское же образование, в том виде, в каком оно предстало к началу XX столетия, сохраняло свою ориентированность на широкие слои населения. Стало быть, и связанные с ним гуманистические идеи оформлялись с расчетом на восприятие широких масс, а потому были более доступны и очевидны, неприязнательны в своей эстетике. Сразу скажем, что ввиду дидактической направленности этих текстов актуализировалась, прежде всего, их мировоззренческая компонента, и в этом аспекте отчетливо определяется идеал совершенного человека. Идеал этот сам по себе характерен для этнопедагогики, ведь, как справедливо замечает Г. Н. Волков, «формирование совершенного человека – лейтмотив народного воспитания» [3, с. 27], но в нашем случае важно также оценивать его в проекциях меняющегося на рубеже XIX-XX вв. вектора религиозного образования – аспекта, фактически игнорируемого в исследованиях текстов периода становления национальной письменности в адыгской культуре. Говоря об идеях исламского реформаторства и тех факторах, которые оказали влияние на А. Г. Дымова, важно учитывать преломление в его трудах концепций арабо-мусульманского мыслителя, общественного деятеля, египетского муфтия, преподавателя Каирского университета аль-Азхар Мухаммада Абдо. Преломление, на наш взгляд, неизбежное, хотя бы потому, что годы университетской учебы Дымова попадают на период активного проведения реформ аль-Азхара сподвижниками М. Абдо. Таким образом, исключить знакомство Дымова с реформаторской доктриной Абдо невозможно. Как показывает в своем исследовании М. М. Аль-Джаноби, вершинная точка доктрины, которую М. Абдо выстраивал через обоснование идеи отказа от слепого подражания европейской культуре, через принципы самопознания этноса, освобождения от слепого следования религиозным авторитетам, преобразования системы воспитания, – это построение совершенной личности [1].

Относительно материалов, отобранных А. Дымовым для его «Адаба», ранее уже отмечалось, что они «ненавязчиво выстраивались вокруг темы воспитания характера и намечали этические нормативы идеального человека, для которого личностное самосовершенствование есть путь к свершению общественного блага» [5, с. 37]. Подобные нормативы вполне органичны в рамках адаба, представляющего собой формулировку принципов нравственного воспитания, предписанных нормами шариата, а также жанр морально-дидактической литературы, излагающий данные принципы. Так, прилежание, ум, вежливость, чистота (моральная и физическая), альтруизм и богоугодность «героя» дымовских «Адабов» предстают как совокупность черт совершенной личности. Но повторим еще раз, что выраженная ориентированность на идеал совершенного человека составляет специфику данного жанра. В гораздо большей степени показательны акценты, присутствующие в текстах «Азбуки». Так, помимо короткого дидактического рассказа о похвальном для ученика медресе поведении и прилежании, помимо текстов, перечисляющих возрастные этапы, потребности, чувства и части тела человека, здесь приводится 78 наставнических изречений, обозначенных как «Ряд поучительных слов». Примечательно, что значительная часть формулировок этого «Ряда» направлена на пропаганду знания, но не знания профессионального, а интеллектуальной культуры как таковой. Вот некоторые примеры: «Человека укрощает знание; Человеку враг невежество; Человек создан для участия в историческом деле; Сад ученого – это книга; Невежество постыдно, с ним смирится только осел; Кто свое невежество от ученого утаивает, и кто свою болезнь от доктора утаивает – оба себе вредят; Человек нуждается в знаниях, как рыба в воде; Невежда имущества ищет, умный совершенства ищет» [4, с. 28-29]. Но даже если отвлечься от содержательных акцентов, свидетельствующих о явном изменении вектора профессионального образования, бесспорное завоевание исламского обновленчества даст о себе знать уже тем, что все его принципы проповедуются не на привычном для исламского образования арабском, а на родном, национальном языке. Наряду с нарушением запрета на преподавание дисциплин, якобы враждебных исламу, для адыгов того времени это было явлением невероятным. Короткий рассказ об истории адыгского народа, включенный в «Письменный язык», составленный А. Дымовым совместно со своим сподвижником Нури Цаговым, венчает идея возрождения этноса через национальную письменность, облегчающую и ускоряющую путь к прогрессу: «Теперь новая письменность возникла, наше счастье к нам снова повернулось. Будем учиться, будем стараться, народы, ставшие мудрыми, догоним!» [Там же, с. 40]. Со страниц газеты «Адыгский голос» также осуществляется пропаганда образования, углубленного, всестороннего познания мира как средства возрождения и спасения этноса: «Кроме того, для народов, кровь которых истощилась и [которые], исчерпав свои силы, дошли до исчезновения, лучшим и единственным лекарством является учение, наука. [Именно] это возвращает душу и вливает в тело свежую кровь таким отсталым народам. [Именно] это помогает человеку познать свой народ, приводит человека к процветанию. Через это обретают и богатство. Свидетельства тому мы постоянно видим в жизни. Мы, адыги, не должны обойти вниманием, не должны отнестись беспечно к поучениям истинным, уже [давно] понятным всеми [другими] людьми. Чтобы просвещение распространилось между нами, нам подобает неотступно помогать друг другу. Если среди нас [еще] есть такие, которые до сих пор не поняли, что впредь уже нельзя жить без науки, без ремесел, то [мы] должны будить их словом, пером. Следует побуждать их к тому, чтобы они отдавали своих детей в ученье, чтобы мечтали об этом» [Там же, с. 68]. Убеждение М. Абдо в том,

что «нации, подобно людям, имеют свою биографию и свои специфические возможности. Следовательно, нациям надлежит познать себя и отталкиваться от этого знания как от предпосылки излечения своих недугов» [1], находит явный отголосок в призывах «Адыгского голоса» изучать родную историю. История – средство самопознания этноса, в ней ответы на вопросы национальной культуры. И именно бережное отношение к национальной истории подвигает создателей «Адыгского голоса» – А. Дымова и Н. Цагова – призывать читателей к сбору и публикации на страницах газеты пословиц, поговорок, загадок, текстов исторических песен.

В свете реформаторских идей оказывается знаковой новая тональность изложения богословских текстов. Так, в «Житии Мухаммеда» [2, с. 258-272] А. Дымов, показывая религиозно-этические каноны через образ совершенной личности, уходит от догматизма священных текстов – образ пророка изображается в реалистической манере, без мистического ореола.

Как видим, идеал совершенного человека в литературе периода становления адыгской письменности, вырастая из потребностей общества и созвучных им идей исламской модернизации, оказывается органичен как ценностям этнической педагогики, так и общечеловеческим традиционным ценностям. Но по прошествии очень короткого времени едва обозначившийся в письменной культуре адыгов идеал совершенного человека резко сменится идеалом нового человека, позиционирующего себя как отрицателя и разрушителя прежнего мира, а стало быть, его ценностей и традиций.

Список источников

1. Аль-Джанаби М. М. Философия современной мусульманской реформации [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/08/98/05/08980546.html> (дата обращения: 17.05.2017).
2. Антология ранней адыгоязычной литературы / сост. З. М. Налоев. Нальчик: КБИГИ, 2010. 352 с.
3. Волков Г. Н. Этнопедагогика. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 168 с.
4. Дымов А. Г. Избранное. Нальчик: Эльбрус, 2003. 124 с.
5. Кажарова И. А. Кабардинская поэзия XX века: актуализация идеала. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. 176 с.
6. Кажарова И. А. Оппозиция «душа / тело» в адыгской поэзии // Человек. 2013. № 1. С. 46-62.

THE FORMATION OF THE PERFECT MAN IDEAL IN THE ADYGHE LITERATURE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY (BY THE MATERIAL OF A. G. DYMOV'S WORKS)

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology

*Institute for the Humanities Research of the Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
barsello@rambler.ru*

The article discusses the ideal of the perfect man in the context of the Adyghe literature development. By the material of A. G. Dymov's works the paper shows that the ideal of the perfect man should be legitimately interpreted not only as an obvious leitmotif of pedagogy, but also as a projection of the ideas of Islamic reformism, which influence in the studies of the Adyghe culture of the mentioned period remains little-studied so far. Beyond "the parameters" of perfection, usual for religious education, reformism introduces intellectual propaganda in didactic texts and changes the manner of interpretation of the perfect personality from the mystical to realistic one in theological texts.

Key words and phrases: writing; didactic texts; Islamic reformism; idea; ideal.

УДК 82.091

В настоящей статье рассмотрены глава «Петербург» из цикла мемуаров А. М. Ремизова «Взвихренная Русь» и ряд очерков из одноименной главы из сборника рассказов и эссе Т. Н. Толстой «Не кысь» как тексты, содержащие в себе так называемый петербургский интертекст, и обнаружены его первоисточники. Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, активным изучением интертекстуальности в литературоведении, а с другой, – необходимостью рассмотрения художественного развития концепта «Петербург», являющегося одним из наиболее ярких в публицистическом наследии обоих авторов и характеризующих их культурно-семиотическую ориентацию.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; концепт; «петербургский текст»; реминисценция; аллюзия; А. Ремизов, Т. Толстая.

Керимова Динара Фикретовна

*Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
dinarych2012@yandex.ru*

КОНЦЕПТ «ПЕТЕРБУРГ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА И Т. Н. ТОЛСТОЙ: ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ

Один из самых ярких русских стилистов XX века А. М. Ремизов не раз упоминался критиками в свете размышлений о творческих истоках прозы Т. Н. Толстой. Так, литературный критик А. Немзер, исследуя